Д 89
Рк 78

Ф. С. Красильников

Украина и украинцы

(Географическо-этнографический очерк)

с 10 рисунками

Содержание: Географическое положение. Краткая история края. Песни и музыка. Характер. Внешность. Жилище. Пища. Занятия. Нравы и обычаи при свадьбах, похоронах, поминках. Народные поверия и суеверия. Праздники: канун Рождества Христова, самое Рождество, канун Нового Года, Новый Год, Масленица, Юрьев день, Троицын день, Иванов день, Ильин день, Андреев день. Заключение.

ЦЕНА 2 р. 25 к.

Литературно-Издательский Отдел
Народного Комиссариата по Просвещению.
МОСКВА.—1918

44478

КР[illegible]Т КНИГИ

Инв. № 2253894

Автор [illegible]ков Ф. С.

Название [illegible] и украинот.

Место, г[illegible] М., 1918.

Кол-во с[illegible] : ил.

-"- отд.

-"- альбо[illegible]

-"- карт

-"- схем

Том ____ Вып. ____

Конволют

Примечани[illegible]

2. 10.

0 А293335 Д89 К78

Ф. С. Красильников.

Украина и украинцы.

(Географическо-этнографический очерк)

с 10 рисунками.

Д253894 К

Содержание: Географическое положение. Краткая история края. Песни и музыка. Характер. Внешность. Жилище. Пища. Занятия. Нравы и обычаи при свадьбах, похоронах, поминках. Народные поверия и суеверия. Праздники: канун Рождества Христова, самое Рождество, канун Нового Года, Новый Год, Масленица, Юрьев день, Троицын день, Иванов день, Ильин день, Андреев день. Заключение.

Научная библиотека № 104227 Нижнее Поволжье Сл. Волж. Края

Литературно-Издательский Отдел
Народного Комиссариата по Просвещению.
МОСКВА—1918 г.

Право издания книги **Ф. С. Красильникова „Украина и украинцы“** приобретено в собственность Литературно-Издательского Отдела Народного Комиссариата по Просвещению сроком на 5 лет, по 15 декабря 1923 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Заведующий Литер.-Издат. Отделом
П. И. Лебедев-Полянский.

15/XII 1918 г.

Державна ордена Трудового Червоного Прапора Республіканська бібліотека УРСР імені КПРС

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора...

А. Толстой.

Так обращается поэт к читателю, желая его познакомить с Малороссией. Знаете ли и вы этот прекрасный край? Думаю, что не знаете, а если и знаете, то очень и очень немногое. Постараюсь же я, насколько возможно подробно, познакомить вас с этим краем, представляющим в настоящее время самостоятельную Украинскую народную республику.

I.

Губернии Полтавская, Черниговская, Киевская, Волынская и Подольская составляют то, что мы привыкли считать Малороссией, хотя малорусским народом населены и другие смежные губернии, например: Кур-

ская, Харьковская, Воронежская, Екатеринославская, но последние заселены были гораздо позднее. Ядром же Малороссии нужно считать именно первые пять губерний.

Местность, на которой расположились эти губернии, представляет часть русской громадной равнины; она перерезана в некоторых местах глубокими оврагами, или балками, и имеет по большей части вид обширной степи, такой степи, которую так художественно описывает Гоголь... „Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкой; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный, Бог знает откуда, колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свою шею. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался, Бог знает, в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха“ *).

Только на севере степной характер нарушается небольшими лиственными, а иногда и хвойными лесами, да на западе вторгнулась так-называемая Авратынская возвышенность. Плодородная черноземная почва, мягкий, теплый климат, принося богатые урожаи, сделали то, что земля эта покрылась богатой растительностью и густо населилась народом, и степь, так художественно описанная Гоголем, исчезла; вместо жел-

*) Из повести Гоголя „Тарас Бульба“.

того дрока, белой кашки и прочих степных трав появились обширные пространства пшеницы, сахарной свекловицы, подсолнуха и других культурных растений. Среди них, то там то сям, поднялись фабричные трубы сахарных и других заводов.

Орошается этот край одной из великих русских рек—Днепром с притоками, который протянулся с севера на юг и по своей красоте не имеет реки равной в мире.

„Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет, ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина; и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод, и прибрежным лесам ярко отсветиться в водах. Зеленокудрые! они толпятся вместе с полевыми цветами к водам и, наклонившись, глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком, и усмехаются ему, и приветствуют его, кивая ветвями. В середину же Днепра они не смеют глянуть: никто, кроме солнца, голубого неба, не глядит в него; редкая птица долетит до средины Днепра. Пышный! ему нет равной реки в мире!.. *).

И действительно, нет равной реки в мире по своей своеобразной красоте, и не только реки, но и всей местности, по которой она протекает. Яркость красок, мягкость и нежность очертаний: деревья, кусты и др., белые хаты, купающиеся в зелени вишневых садов, и вместе с тем простота и однообразие ландшафта создают какую-то исключительную прелесть! Быть в Ма-

*) Из повести Гоголя „Страшная месть“.

лороссии и любоваться малороссийским пейзажем с его ровной поверхностью, усеянной озерками, маленькими речками, хуторками и стройными тополями, значит отдыхать душой и телом! Не даром поэт, побывавший на Украине, говорит:

... „Туда, туда всем сердцем я стремлюся,
Туда, где сердцу было так легко“... *).

а другой, находясь на чужбине, завещает:

... „Как умру, пусть степь родная
Будет мне могилой:
Вы меня похороните
На Украйне милой;
Чтоб поля и Днепр, и берег,
Дальний и зыбучий,
Были видны, было слышно,
Как ревет могучий“... **).

В малороссийском ландшафте есть именно что-то успокаивающее, умиротворяющее. Но особенно хороши украинские ночи!

... „Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее: с середины неба глядит месяц, необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее; горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух, и прохладно душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Девственные чащи черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветренник — ночной ветер, подкрав-

*) А. Толстой.
**) Шевченко.

шись мгновенно, целует их. Весь ландшафт спит. А вверху все дышит; все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Как очарованное, дремлет на возвышении село. Еще белее, еще лучше блестят при месяце толпы хат; еще ослепительнее вырезываются из мрака низкие их стены. Все тихо. Благочестивые люди уже спят. Где-где только светятся узенькие окна“ *). Так описывает ночь родной сын Малороссии.

Но послушаем другого поэта, которому приходилось только видеть эту ночь:

„Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет,
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет...
И тихо, тихо все кругом“... **).

Такова природа Малороссии. Посмотрим теперь, что же за народ населяет этот чудный уголок.

II.

Жители Малороссии принадлежат к славянскому племени и называются, по имени края, малороссами, т.-е. жители Малой России. Среди нас же, великорус-

---

*) Из повести Гоголя: „Майская ночь или утопленница“.
**) „Полтава“ А. Пушкина.

сов, они известны еще под именем хохлов; но название „хохол“—слово бранное, и всякий малоросс, услыхав его, ответит тоже бранью и назовет великорусса „кацапом“. Эти бранные два слова, которыми наделяют друг друга малоросс и великорусс, произошли от того, что в старину все малороссы брили бороду и голову, оставляя только на макушке чуб, или хохол. Великоруссы же, наоборот, не брили не только на голове волос, но и бороды носили большие, откуда и получили прозвище „кацапов“, т.-е. „козлов“.

Но прежде нежели приступить к описанию характера и быта малоросса, необходимо познакомиться с историческим прошлым этого народа.

Известно, что славянское племя, к которому принадлежат малороссы, жило отдельными семьями, родами и разделялось на полян, древлян, кривичей и других. Известно также, что племя кривичей образовало государство, призвав чужеземного князя. Этот князь Рюрик и его преемники путем завоеваний объединили остальные славянские племена и образовали обширное княжество, простиравшееся от озера Ладожского до берегов Черного моря и от верховьев Западного Буга до верховьев Оки и Волги. Это обширное княжество было недостаточно крепко. Князья, управлявшие страной, смотрели на нее, как на свою собственность, имущество, и поэтому перед смертью делили между своими детьми; последние же, недовольные своим наследством — уделом, завидовали друг другу, ссорились и вели постоянно между собой войны. Междоусобицы привели к тому, что в XIII веке пришедшие из Азии орды татар полонили русскую землю, разорив сначала восточную часть, а потом и западную. Жителям восточной половины Руси деваться было некуда, и они с покорностью приняли монгольское иго и несли его более 200 лет; жители же западной Руси частью во время

погрома отодвинулись дальше на запад, частью тоже приняли иго, но, находясь дальше от Золотой Орды, скорей могли и сбросить его. Вместе с тем в это же время, т.-е. в XIII веке, и столица русского княжества была перенесена с запада, из Киева, на восток, во Владимир. И таким образом власть великого князя, ослабленная татарами, не имела уже сильного влияния на дальнюю юго-западную окраину. Последняя вскоре подпала под власть другого соседнего и сильного княжества—Литовского. С этих пор доселе жившие вместе родные племена разделились и под влиянием разных исторических событий, а также и различной окружающей природы выработали из себя резко различающиеся типы малоросса и великоросса.

Дальнейшая судьба юго-западной России была такова. С соединением Литвы с Польшей Малая Россия подпала под власть Польши и под этой властью стала терпеть притеснения, вызвавшие целый ряд восстаний, во главе которых стали казаки, сословие, впервые упоминаемое в XVI веке. Казаки—это были вольные люди, всю жизнь свою проводившие в войнах и набегах на татар, турок и поляков. Казаки разделялись на украинских и запорожцев. Первые, кроме набегов, занимались и земледелием, имели дома, семьи, вторые же, наоборот, жили бобылями, ничем другим не занимались, как только любили „гулять да палить из ружей“. Главным становищем их была Запорожская Сечь, которая находилась на одном из островов Днепра, за его порогами, и представляла следующее *). „На обширной площади, где обыкновенно собирается рада, на большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки; он держал в руках ее и медленно зашивал на ней дыры. Несколько в стороне собралась толпа музы-

*) Из повести Гоголя „Тарас Бульба“.

кантов, в середине которой отплясывал молодой запорожец, заломивши чортом свою шапку и вскинувши руками. Он кричал только: „Живей играйте, музыканты! Не жалей, Фома, горилки православным христианам!“ И Фома, с подбитым глазом, мерял без счету каждому пристававшему по огромнейшей кружке. Около молодого запорожца четыре старых вырабатывали довольно мелко своими ногами, вскидывались, как вихрь, на сторону, почти на голову музыкантам, и вдруг, опустившись, неслись в присядку и били, круто и крепко, своими серебряными подковами убитую землю. Земля глухо гудела на всю округу, и в воздухе только отдавалось: тра-та-та, тра-та-та. Толпа, чем далее, росла: к танцующим приставали другие, и вся почти площадь покрылась приседающими запорожцами... Чересчур дряхлые, прислонившись к столбу, к которому обыкновенно на Сече привязывали преступников, топали и переминали ногами... Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то беспрерывное пиршество,— бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой.

Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но бо́льшая часть гуляла с утра до вечера, особливо, если в кармане звучала возможность и добытое добро не перешло еще в руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имело в себе что-то околдовывающее... Всякий, приходивший сюда, позабывал и бросал все, что дотоле его занимало. Он, можно сказать, плевал на свое прошедшее и с жаром фанатика предавался воле и товариществу таких же, как сам, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей. Это производило ту бешеную веселость, которая не могла бы родиться ни из какого другого источника. Здесь были те, у которых уже моталась около шеи веревка и которые, вместо бледной смерти, увидели

Запорожцы. (С карт. худ. Репина)

жизнь, и жизнь во всем разгуле; здесь были те, которые, по благородному обычаю, не могли удержать в кармане своем копейки; здесь были те, которые дотоле червонец считали богатством, у которых, по милости арендаторов-жидов, карманы можно было выворотить без всякого опасения что-нибудь уронить. Здесь были все бурсаки, которые не вынесли академических лоз и которые не вынесли из школы ни одной буквы; но были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон и Римская республика. Тут было множество образовавшихся опытных партизанов, которые имели благородное убеждение мыслить, что все равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы. Здесь было много офицеров из польских войск. Впрочем, из какой только нации здесь не было народа? Охотники до военной жизни, до золотых кубков, богатых парчей, дукатов и реалов во всякое время могли найти здесь себе работу. Одни только обожатели женщин не могли найти здесь ничего, потому что даже в предместье Сечи не смела показаться ни одна женщина"... Вступление в число запорожцев было весьма просто. Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил: „Здравствуй! Что, во Христа веруешь?" — „Верую", — отвечал приходивший. — „И в Троицу Святую веруешь?"—„Верую".—„И в церковь ходишь?"—„Хожу".— „А ну, перекрестись!" Пришедший крестился. „Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же, в который сам знаешь курень". Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании. Только побуждаемые сильною корыстью жиды, армяне и татары осмеливались жить и торговать в предместье, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколь-

ко рука вынула из кармана денег, столько и платили. Впрочем, участь этих корыстолюбивых торгашей была очень жалка, потому что, как только у запорожцев не ставало денег, то удалые разбивали их лавочки и брали всегда даром. Такова была Сечь, так сказать, в мирное время. Но вот прошла весть о походе, и Сечь вся вдруг преобразилась. „Везде были только слышны пробная стрельба из ружей, бряцанье саблей, скрип телег; все подпоясывалось, облачалось. Шинки были заперты; ни одного человека не было пьяного. Необыкновенная деятельность сменила вдруг необыкновенную беспечность. Кошевой вырос на целый аршин. Это уже не был тот робкий исполнитель ветреных желаний вольного народа; это был неограниченный повелитель; это был почти деспот, умевший только повелевать. Все своевольные и гулливые рыцари стройно стояли в рядах, почтительно опустив головы, не смея поднять глаз, когда он раздавал повеления тихо, с расстановкою, как глубоко знающий свое дело и уже не в первый раз приводивший его в исполнение“...

Такова была Сечь, то гнездо, откуда разливалась воля и казачество на всю Украину и откуда вышли знаменитые казацкие гетманы—Наливайко, Сагайдачный, Дорошенко, Остраница и др. Под предводительством названных гетманов было несколько восстаний против поляков, которые сопровождались страшными жестокостями как с той, так и с другой стороны; например, гетман Наливайко был сожжен в медном быке в Варшаве. Последнее восстание было поднято Богданом Хмельницким и кончилось тем, что казаки, видя, что не в силах бороться с Польшей, перешли под власть московского царя Алексея Михайловича в 1654 г. При этом присоединении им оставлено все их прежнее управление, которое Екатериной II было упразднено в 1764 году, при чем все вольности казачьи были отменены,

гетманство и Сечь Запорожская уничтожены и введено общее русское управление в стране.

Таким образом, слава казачья пала, сделалась достоянием истории и былым воспоминанием. Малороссия вошла в состав Российской империи и зажила общегосударственной жизнью. Но не зажил народ одной жизнью с великороссом. Малоросс и до сих пор живет своими обычаями, преданиями, говорит иным наречием, одежду носит отличную от жителя центральной России и поет свои песни, вспоминая о славном историческом прошлом. А песни его, действительно, особенные как по содержанию, так и по музыке.

Послушаем, что говорит о малорусских песнях Гоголь *). „Песни для Малороссии все: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о прошедшем быте этой цветущей части России... Песни малороссийские могут вполне назваться историческими, потому что они не отрываются ни на миг от жизни и всегда верны тогдашней минуте и тогдашнему состоянию чувств. Везде проникает их, везде в них дышит эта широкая воля казацкой жизни. Везде видна та сила, радость, могущество, с какими казак бросает тишину и беспечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзию битв, опасностей и разгульного пиршества с товарищами. Ни чернобровая подруга, пылающая свежестью, с карими очами, с ослепительным блеском зубов, вся преданная любви, удерживающая за стремя коня его; ни престарелая мать, разливающаяся, как ручей, слезами, которой всем существованием завладело одно материнское чувство, — ничто не в силах удержать его. Упрямый, непреклонный, он спешит в степи, в вольницу товарищей. Его жену, мать, сестру, братьев, — все заменяет

---

*) Н. В. Гоголь. О „Малороссийских песнях“.

ватага гулливых рыцарей набегов. Узы этого братства для него выше всего, сильней любви.

Сверкает Черное море; вся чудесная, неизмеримая степь от Тамани до Дуная—дикий океан цветов—колышется одним налетом ветра; в беспредельной глубине неба тонут лебеди и журавли; умирающий казак лежит среди этой свежести девственной природы и собирает все силы, чтобы не умереть, не взглянув еще раз на своих товарищей.

То ще добре козацька голова знала,
Що без війска козацького не вмирала.

Увидевши их, он насыщается и умирает. Выступает ли казацкое войско в поход с тишиною и повиновением; извергается ли из самопалов поток дыма и пуль; кружат ли вольно мед, вино, описываются ли ужасная казнь гетмана, от которой дыбом поднимается волос, мщение ли казаков, вид ли убитого казака, с широко раскинутыми руками на траве, с разметанным чубом, клекты ли орлов в небе, спорящих о том, кому из них выдирать казацкие очи, — все это живет в песнях и окинуто смелыми красками. Остальная половина песней изображает другую половину жизни народа: в них разбросаны черты быта домашнего; здесь во всем совершенная противоположность.—Там одни казаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здесь, напротив,—один женский мир, нежный, тоскливый, дышащий любовью. Они виделись между собою самое короткое время и потом разлучались на целые годы. Годы эти были проводимы женщинами в тоске, в ожидании своих мужей, братьев, мелькнувших перед ними в своем военном пышном убранстве, как сновидение, как мечта. Оттого любовь их делается чрезвычайно поэтическою. Тоскуя, ждет казачка с утра до вечера возврата своего чернобрового супруга.

Ой, чорния бровенята!
Лихо мені зъ вами:
Не хочете ночувати
Ні ноченьки сами.

Она вся живет воспоминанием. Все, на что они глядели вместе, куда они вместе ходили, что вместе говорили, — все это припоминает она, не упуская ни одной мелкой черты. Она обращается ко всему, что они видят в природе, дышащей жизнью, и даже к бесчувственным предметам, и всем им говорит и жалуется. И как просты, как поэтически-просты ее исполненные души речи!..

В кінці гребли *)
Шумлят верби,
Що я насадила.
Нема мого міленького,
Що я полюбила.

Можно привести до тысячи подобных песен, можетбыть, даже гораздо лучших. Все они благозвучны, разнообразны чрезвычайно. Везде новые краски, везде простота и невыразимая нежность чувств. Где же мысли в них коснулись религиозного, там они необыкновенно поэтичны. Они не изумляются колоссальным созданиям вечного Творца, но их вера так невинна, так трогательна, так непорочна, как непорочна душа младенца. Они обращаются к Богу, как дети к отцу; они вводят Его часто в быт своей жизни с такою невинною простотой, что безыскусственное Его изображение становится у них величественным в самой простоте своей...

Музыка в малороссийских песнях слилась с жизнью: звуки ее так живы, что, кажется, не звучат, а говорят, — говорят словами, выговаривают речи, и каждое

*) В конце плотины.

слово этой яркой речи проходит душу. Взвизги ее иногда так похожи на крик сердца, что оно вдруг и внезапно вздрагивает, как-будто коснулось к нему острое железо. Безотрадное, равнодушное отчаяние иногда слышится в ней так сильно, что заслушавшийся забывается и чувствует, что надежда давно улетела из мира. В другом месте отрывистые стенания, вопли — такие яркие, живые, что с трепетом спрашиваешь себя: звуки ли это? Это—невыносимый вопль матери, у которой свирепое насилие вырывает младенца, чтобы с зверским смехом расшибить его о камень. Ничто не может быть сильнее народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни; если натиски насилий и непреодолимых вечных препятствий не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали из него жалобы, и если эти жалобы не могли иначе и нигде выразиться, как только в его песнях. Такова была беззащитная Малороссия в ту годину, когда хищно ворвалась в нее уния. По ним, по этим звукам, можно догадываться об ее минувших страданиях, так точно, как о бывшей буре с градом и проливным дождем можно узнать по брильянтовым слезам, унизывающим снизу до вершины освеженные деревья, когда солнце мечет вечерний луч, разреженный воздух чист, вдали звонко дребезжит мычание стад, голубоватый дым, вестник деревенского ужина и довольства, несется светлыми кольцами к небу. и вечер, — тихий, ясный вечер обнимает успокоенную землю“...

Кроме этих, только-что перечисленных песен казацких, духовных и бытовых, нельзя не упомянуть еще о чумацких песнях, в которых воспеваются степь, волы, кочевая жизнь, гулянка или какое-нибудь грустное событие в дороге; а такие события, полные драматизма, бывают. Парень-сирота, работник богатого хозяина,

УРСР імені М. ПС

225389

идет в дорогу,—„чужи воли погоняе, думае-гадае",— а у него в деревне осталась девушка-невеста, такая же бедная, как и он, которая тоже грустит в разлуке. Черноокая на заработанные деньги покупает шелк или цветную бумагу и вышивает *хустку* (платок) своему жениху, а он странствует по степям и мечтает о том, как бы скорее сделаться самому хозяином и зажить с молодою хозяйкой. Но настигает болезнь... Средств никаких нет, и бедняк погибает в степи, оплаканный товарищами, которые, закутав его в рогожу, хоронят где-нибудь на курганах.

Ревнули воли в новому ярмі,
Поховали чумаченька в чужий стороні.

Осиротела черноокая. Товарищи вновь отправляются в Крым и, проезжая мимо кургана, прибивают к убогому кресту новую „хустку". И стоит простой крест с развевающейся по ветру хусткой, как немой свидетель происшедшей драмы.

Чумацкие песни дышат степью, простором.

...И помню, песням их внимал
С какой-то радостью невольной...
И как те песни сердцу милы,
Как выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны...

(Кольцов).

Главными хранителями песни и вместе с тем их передатчиками являются кобзари и лирники. Как те, так и другие—слепцы. Имея при себе мальчика поводыря, суму через плечо, кобзу или лиру, такой певец бродит из селения в селение, с ярмарки на ярмарку, с свадьбы на свадьбу, с праздника на праздник и поет свои песни, смотря по обстановке, то про седую старину и удаль казацкую, то про страшный суд и бед-

ного Лазаря под аккомпанимент своего инструмента; а то и просто заиграет какую-нибудь плясовую песню, а его маленький поводырь начнет отплясывать гопака.

Кобзари теперь в Малороссии очень редки, остались большею частью лирники. Насколько народ любит и уважает своих слепых певцов, можно судить по тому, что они не только до сих пор не исчезли, но, наоборот, почти все учатся песням и игре на лире в особых школах у какого-нибудь старого лирника, которого старческие недуги приковали к одному месту и у которого имеется громадный запас разных песен. Один лирник рассказывал, что когда он учился, то их было в школе (Черниговской губ.) человек двадцать; все они сходились в избе-классе и с голоса по слуху запоминали мотивы и самые слова песни. Замечательно, что, несмотря на хаос звуков, который получался при таком совместном обучении, ученики все-таки разбирались в них.

Посмотрим же, каков малоросс, каков у него нрав, какой он ведет образ жизни, как одевается, каковы его обряды, обычаи, верования. Словом, посмотрим, чем он отличается от своего брата-великоросса.

III.

Малоросс набожен, глубоко чтит веру и уставы церковные. Нрава он доброго, спокойного, медлен, ленив. Наблюдается в его характере и мстительность, но это уже наследие польского ига. От природы очень умный, он проявляет и хитрость; но ум его и вся хитрость не направлены на ту расчетливость и сметливость в отношении средств зашибать копейку, на ко-

торые направлены у великоросса, жителя севера, холодного климата, неплодородной почвы, с его промышленным духом. Характерной чертой малоросса служит врожденная ему насмешливость, не покидающая его и в самые тяжелые минуты. Например, когда при Петре Великом некоторые малорусские старшины по одному доносу были наказаны кнутом и после экзекуции лежали на рогожах, один из них обратился к товарищу: „А що, брате, чи солодка московська *пужка* (плеть): може б йіи послати нашим жинкам на гостинец!“ Эта черта характера проглядывает даже в детях, когда послушаешь их меткие прозвища и шутки, которыми они награждают друг друга, послушаешь и невольно засмеешься.

Кроме особенной соли в шутках малоросса, в них замечается много наблюдательности и меткости взгляда. В разговоре он так же медлителен, как и в других своих поступках, и ответы его отличаются всегда неопределенностью. Например: вы спрашиваете крестьянина, укладывающего на воз овощи для продажи на базар, поедет ли он на базар,—он непременно ответит вам:—„Може й поіду“; или вы встречаете на дороге малоросса и спрашиваете, далеко ли до такого-то места и как ближе проехать,—в ответ вы услышите: „Не сумею, добродію, сказать вдруг; повремените немножко!“—и начинает высчитывать, машинально сгибая пальцы, затем продолжает:—„До Лемешей... Как бы вам сказать?.. Оно не так, чтобы близко. Впрочем, Бог его знает: я говорю это потому, что другие говорят... Так, может быть, выберется и короткий путь, только, знаете, теперь время осеннее... то станется, что и далеко... Только опять же, как подумаешь, то кажется, что и близко“. Так что в конце-концов, после такого ответа увидишь, что до Лемешей и далеко. и близко.

Чтобы судить о малороссе, надо видеть его, так сказать, под веселую руку. Один из знатоков этого народа говорит *), „что малоросс простодушен, гостеприимен, не погонится за лишним грошем, и что плут может обсчитать и надуть его,—в этом нет никакого сомнения; но что он далеко не прост,—подтвердят все, кому хоть сколько-нибудь знакома Малороссия“. Для полной характеристики малоросса, я привожу маленький отрывок из рассказа современного писателя, в котором очень рельефно выступают типичные черты малоросса и народа, близко с ним соприкасающегося и его обирающего.

Описывается одна из ярмарок Малороссии: **) „Четверо цыган осаждают какого-то „чоловіка“, уже сбитого с толку и растерявшегося под градом убедительных речей, осыпающих его немудрую голову. Он стоит среди них, усердно чешет затылок и тяжело соображает. У него на поводу молоденькая лошаденка. Ее осаждают оводы с таким же усердием и жаром, как ее хозяина—цыгане... Вокруг этой группы—толпа, внимательно следящая за ходом сделки.

— Підождить...—говорит хохол.

— Не хочу! — восклицает цыган... — Что мне ждать,—хиба ж я с того, что подожду, гроши зароблю? Я тебе говорю прямо, как перед Богом,—моя лошадь такая, что и сам полтавский губернатор на ней поехал бы, куда хочешь, хоть в Петербург! Вот нà, какая моя лошадь! А что твоя? Только тем она на мою и похожа, что у нее тоже четыре ноги и хвост! А какой у нее хвост? Это стыд, дядько, стыд, а не хвóст...

Цыган ожесточенно дергает лошадь за хвост, щу-

---

*) Афанасий Чужбинский.
**) „Ярмарка в Голтве“ М. Горького.

пает ее всюду и руками, и глазами, и все говорит, говорит... Его товарищи пренебрежительно советуют ему:

— Э, брось! Что тебе хочется в убыток меняться? Вот дурной!.. Брось...

— В убыток? Ну и буду меняться в убыток! Разве ж я моему коню и карману не хозяин? Мне человек нравится, и я хочу человеку доброе сделать! Дядько! Молитесь Господу!

Хохол снимает шапку, и они оба истово крестятся на церковь.

— Ну, Господи, благослови!—восклицает цыган...— Берите ж моего коня и помните мое доброе сердце... Берите его и давайте мне пять карбованцев придачи... Вот и все!... Кончено... Давайте руки...

Хохол изо всей силы бьет ладонью по ладони цыгана и говорит:

— Два дам!

— Э, четыре с половиною!

— Два.

Цыган так шлепнул по руке хохла, что тот потряс ею в воздухе и потом внимательно осмотрел свою ладонь, как бы удостоверяясь,—цела ли?

— Четыре ровно!

— Два,—упорно стоит на своем хохол.

— Ну,—утомленно говорит цыган,—идите же теперь к вашей жинке и расскажите ей, какой вы дурень...

— Два с полтиной,—говорит хохол.

— Вот что,—молитесь Богу!

Снова молятся и снова бьют руки друг у друга.

— Ну, берите же на свое счастье, мне в убыток; не хочу я с вас, добрый человек, лишних грошей брать, коли нет их у вас в кармане... Даете три с полтиной?

— Ни,—качает головой хохол, оглядывая лошадь цыгана, понурую и шершавую.

— Три с четвертью?

— Ни...

— Чтоб ваша жинка сказала вам сто раз „ни“, когда вы у нее борща попросите! Даете три гладких

Ярмарка в Малороссии. (С карт. худ. В. Маковского).

карбованца? И то не даете? Так берите ж за вашу цену... Э, пропали мои гроши и конь хороший!..

Лошадей передают из полы в полу, и хохол уходит, ведя на поводу вымененную крупную рыжую кобылу, равнодушно переступающую разбитыми ногами. Морда у нее печальная, и уныло смотрят ее тусклые глаза на толпу людей, критически разглядывающую ее.

Но скоро хохол возвращается назад. Он идет то-

ропливо, так что лошадь едва поспевает за ним; лицо у него сконфуженное и растерянное. Цыгане смотрят навстречу ему спокойно и разговаривают о чем-то на своем странном языке.

— Це дило не законне,—покачивая головой, говорит хохол, подходя к ним.

— Какое дело?—осведомляется один из цыган.

— А це... Якъ же вы мени...

— А что мы тоби?..

— Підождить! Як же.

— А як же?

— Да підождить же.

— А чего ждать?

В толпе хохот. Бедняга хохол апеллирует к ней.

— Добрые люди,—ратуйте! Воны мини, беззубу коняку на мисто моеи зубатой наминяли!

Толпа не любит неловких так же, как и слабых. Она становится на сторону цыган...

— А де ж у тебе очи булы?—спрашивает хохла сивый старик.

— Не вмий з цыганами дила!—поучительно заявляет другой...

Обманутый рассказывает, что он смотрел зубы у коня, но на верхние не обратил внимания, а из них три оказываются сломанными. Должно-быть, коня когда-то сильно ударили по морде и сломали ему три зуба. Куда он годится такой? Он есть не может,—вон у него какой вздутый живот. Человека два-три из толпы начинают защищать хохла. Возникает гвалт, и громче всех кричит, не уставая, цыган...

— Э, добрый чоловікъ! Чего ж ты затиявъ таку завороху? Хиба ты не знаешь, як треба конив куповаты? Конив куповаты, — як жинку выбираты, все одно, таке вже важно дило... Слухай, я тоби скажу одну казку.

Як булы на свити три братика, двое разумніи, а третий дурень,—ось якъ ты, а божья...

Товарищи цыгана тоже орут во всю глотку, оправдывая его, хохлы лениво ругаются в ответ, толпа становится все гуще и теснее...

— Що ж мини зостаеться, добрии люде?—горестно вопрошает обиженный.

— Ходи до урядника!—кричат ему.

— А и пийду!—решает он.

— Стой, чоловіче! — останавливает его цыган.— Разорить меня хочешь? Разоряй! Давай мне три карбованца,—я твою лошадь назад виддам? Желаешь? Давай два? Желаешь? Ну, иди и жалуйся...

Хохлу не особенно приятно „тягать к ділу“ урядника, и он задумывается. Со всех сторон ему дают советы, но он остается глух и нем, решая что-то про себя. Наконец решил...

— Ну, отъ що,—уныло говорит он цыгану,—нехай Богъ тебя судит... Отдай мини моего коня, а карбованци, два съ половиною, що ты в придачу взял,—твои... Триста трясцив тоби у боки,—грабь!

И цыган ограбил его с таким видом, точно великую милость ему оказал.

* * *

— Эге ж... Жарко!—восклицает хохол, раскинувшийся на возу.

— Як у пекли...

— Хиба ж твой батко писав тоби з пекла, як там жарко?—спрашивают с воза.

* * *

„Чоловіки“, приехавшие продавать скот или руно, лежат под возами, скрываясь от солнца и ожидая по-

купателей. „Чоловіки“ покупающие расхаживают между возами, высматривая скот и шагая через ноги продавцов, разбросанные на земле. У каждого покупателя в руке кнут, и, подходя к волам, покупатель считает нужным вытянуть смиренную скотину по боку кнутом. Волы медленно поднимаются на ноги, если они лежали, и тяжело двигаются от удара, если стояли на ногах.

— Скільки за цю пару просыте?—спрашивает покупатель в пространство.

Из-под воза раздается неторопливый ответ:

— Девяносто рублій...

— И то гроши...—говорит покупатель и отходит, или спрашивает:—А чего ж бы вам, дядько, цилу сотнягу не просить?

— Та вже міни більшь того, скількі треба,—не треба грошей. А коли вы вже такій добрый, то давайте и усю сотню,—я визьму...

— Спасибо вам... А скильки ж бы диломъ узяли?

— Та вже такъ, щобъ не довго балакать, возьму я съ васъ... девяносто рублій...

Начинается торг. „Чоловіки“ не торопятся,—это совсем не в их характере, и продавец вылезает из-под воза не ранее того, как убедится, что покупатель серьезный. Понемногу горячатся, и вот уже бьют друг друга по рукам, молятся по десяти раз и более, расходятся, снова сходятся. Все делается медленно, но основательно, вдумчиво.

* * *

Остробородый ярославец торгует гребенками, ножичками, книжками, мылом...

— Паж-жалуйте-с! Заграничные товары! Столичные книги! Благовонные мыла! Небесные духи! Молодой юноша, позвольте вам предложить книжечку для прият-

ного чтения-с? Не угодно ли подробно рассмотреть, очень занимательная история—Смерть господина Ивана Ильича сочинение графа Толстого. При сем же веселая комедия—„Плоды просвещения“. Очень тонко осмеяны господа столичные и русские мужики. Продаю за двадцать копеек-с! Графское сочинение—за двугривенный, дешевле никто не продаст. А вот еще не пожелаете ли—„Князь Серебряный“? Про царя Ивана Грозного... по случаю того, как эта книжечка уже читана,—за тридцать пять копеек отдам! Стихи поэта Пушкина-с—по пятачку и по три копейки книжечка... Прекрасные стихи самого веселого содержания. „Андрей Бесстрашный“, русская повесть... цена три копейки. „Япанча, татарский наездник“, „Взятие города Казани“. О разведении кур—не желаете ли просветиться? Пять копеек цена... Машинка для усов,—извольте-с. Житие иже во святых отца нашего... Красавица! Купите зеркальце! Душистое мыло есть... Чего-с? За Ивана Ильича и гривенник? Напечатано на книжке—двадцать. За гривенник могу продать, вот-с, еврейские рассказы... Тетка! Ты так гребень сломаешь... Почтенный! Купите бритву!.. „Загробная жизнь или о том, что ждет душу нашу по смерти“... Весьма полезно знать,—цена полтина. Не желаете? Болезни домашних животных,—полюбопытствуйте! Вегетарианская кухня... А то вот часики продаю—серебро, как золото, ход самый правильный, цена дешевая... Почтеннейший! Мыльца для дочки не желаете ли приобрести?.. Последнее слово, милый: за Ивана Ильича—восемнадцать копеек...

Ни одной секунды не молчит этот сухой и поджарый ярославец, продающий сразу двум десяткам покупателей. Его звонкий голос издали влечет к нему народ, и около его лавочки тесная толпа. Одни покупают, другие просто смотрят на продавца и слушают его бойкую, рассыпчатую речь. Здоровенный усатый хохол

долго таращил на ярославца большие, выпуклые глаза и вдруг расхохотался.

— Чого ви, пане, регочете?—спрашивает его сосед.

— Та ось він, о цей москаль, не хай ему, бісову сыну, гадюка у глотку влізе... Винъ зовсім як та молотилка языком работае. Доброму чоловіку у мисяць стілько не казати, як вин у час каже!..

IV.

Одежда малоросса довольно оригинальная и красивая, особенно женская, и состоит у мужчин из полотняной рубахи с маленьким, прямым воротом, очень часто вышитым, завязывающимся посредине шнурком или лентой; надевается она под шаровары. Шаровары шьются чрезвычайно широкие и заправляются всегда в сапоги-чоботы. На голове он носит высокую шапку из мерлушек с суконным дном, а иногда и всю из мерлушек, во все времена года, т.-е. и зимою, и летом. Только в некоторых местах летом на голове носят так-называемый „бриль“, т.-е. круглую шляпу, войлочную или соломенную. Поверх рубахи они надевают „юпку“ (род пальто), белую или серую с цветными выпушками и застегивающуюся кожаными пуговицами; молодые же парни (парубки)—„каптанокъ“ (полукафтан). Когда отправляется малоросс в дорогу, то надевает еще „свитку“ (род армяка). Зимой носят „кожан“ (полушубок, только другого покроя). Парубоцкая одежда шьется из хорошего материала, бывает особенно красива и сидит очень ловко.

Женский костюм еще наряднее, еще красивее. Состоит он из рубахи обыкновенно холстинной, с вышив-

кой на рукавах и подоле. Вышитый подол называется „ляховка“. Стан свой они обертывают двумя кусками материи, привязывая их поясом. Ткани эти носят название „плахта“ и „запаска“. Плахта бывает парчевая

Девушка-малороссиянка. (С фотографии).

или шерстяная, в клетках или цветах, запаска гладкая. При выходе из дому летом девушки и молодицы надевают сверх этого еще „гірсет“ (коротенькое пальто без рукавов) или „юпку“, такую же, как и мужскую, но только несколько короче. В дорогу надевают тоже

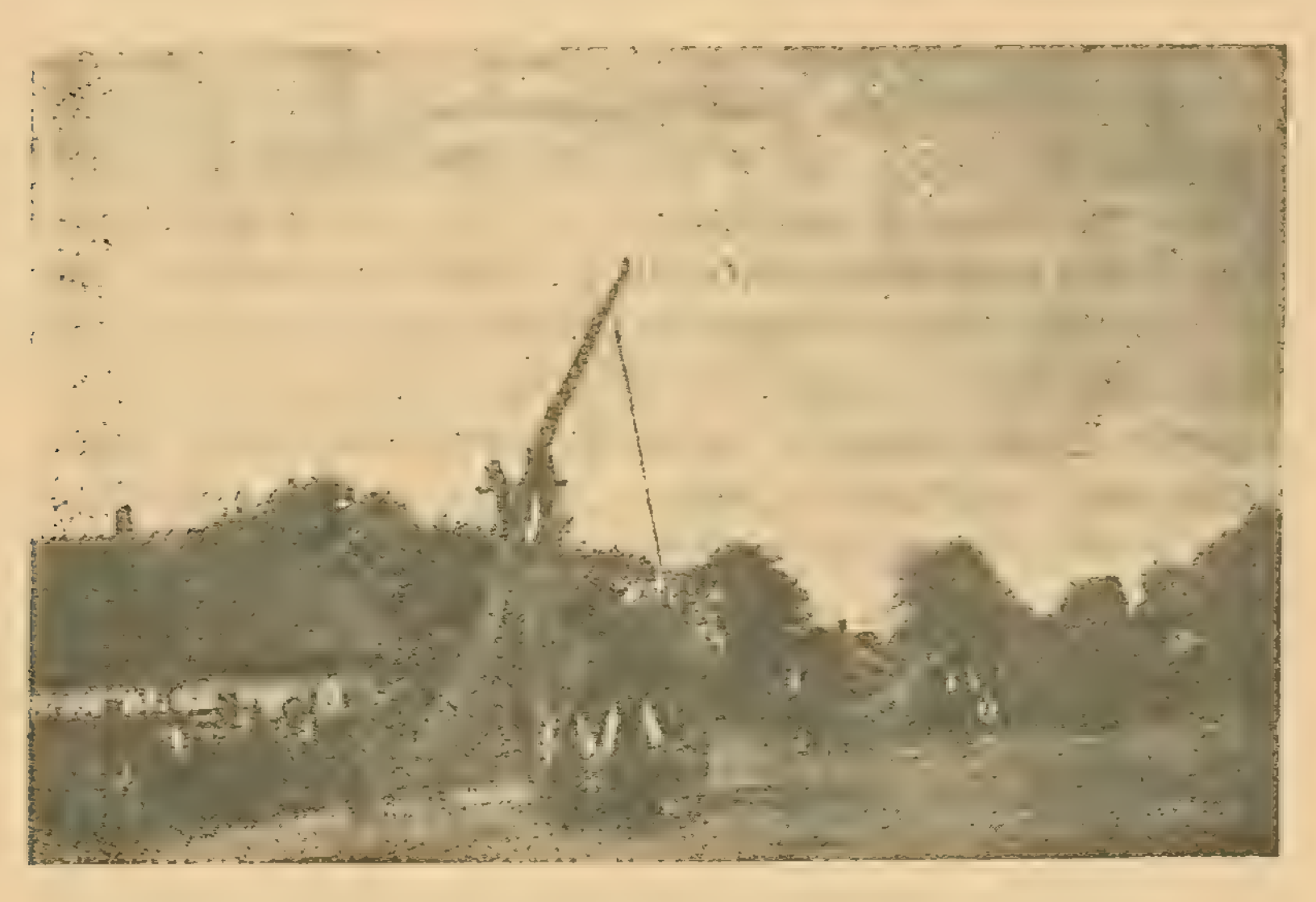
„свиту“, но уже более длинную, чем мужская. Голову девушки платком почти не покрывают, а убирают ее „стричками“ (лентами), обвязывая их таким образом, чтобы концы ниспадали сзади вместе с косой, в кото-

Замужняя малороссиянка. (С фотографии).

рую тоже вплетают ленты. За ленту, идущую вокруг головы, затыкают цветы, весной и летом—живые, в другое время года—искусственные. На шею надевают много бус, коралловых, стеклянных и янтарных, называемых „намістами“. На ногах носят сапоги (богатые —сафьяновые) или же „черевички“ (в роде туфлей).

Всю одежду малороссы делают сами, за исключением украшений: лент, намистов, сережек, колец и т. п., покупаемых на ярмарках.

Образ жизни малоросса самый простой, хотя и не лишен тех удобств, которых не встречается у великорусского крестьянина. Малороссийская деревня издали кажется каким-то обширным садом: так много в ней



Деревенская улица в Черниговской губ. (С фотографии).

зелени; и только кое-где выглядывают белые хатки, да синяя струйка дыма свидетельствует о том, что это не сад и не роща. Самая маленькая деревня не бывает так вытянута в линию, как великорусская, а наоборот, разбросана в разные стороны и вследствие этого имеет не одну улицу, а несколько. Въезжая в улицу, вы почти не видите хат,—они все попрятались в зелени,—а видите плотные плетни, за которыми зреют вишни, выглядывают громадные цветы подсолнухов и яркие, пест-

рые маки. Кое-где встречаются колодцы с стремящимся вверх „журавлем“ и стоящими рядом выдолбленными колодами для водопоя, около которых в грязи в приятной дремоте валяются свиньи, издавая повременам блаженное хрюканье. Словом, вы едете не по широкой мертвой и голой деревенской улице Московской губ., где избы, зачастую полуразвалившиеся, грязные, темные, смотрят на вас печально во всей своей бедной наготе, а по улице, где всюду чувствуется домовитость, опрятность, обилие, жизнь.

Войдя во двор, вы и тут увидите порядок, удобство и чистоту. Двор у малоросса не то, что у великоросса, у которого под одной крышей с избой темно и грязно. Это двор довольно обширный, на котором выстроенными отдельно стоят хлев для скота, „клуня“, где хранится сено, овес и разные земледельческие орудия, и, наконец, чистая, опрятная хата, тщательно выбеленная и своеобразно покрытая соломой. Переступив порог хаты, вы сначала попадете в просторные сени, через которые проходите в самое жилье малоросса. Это— небольшая, низенькая комната с маленькими окнами, выходящими в сад или огород, с глиняным полом, чисто выметенным,—настолько чисто, что если уроните иглу, то без труда найдете ее,—с огромной выбеленной печью, которая занимает весь левый задний угол, и с правым передним углом, где по стенам развешаны иконы, покрытые всегда белым вышитым чистым „рушником“ (полотенцем); под иконами в этом углу устроены лавки, а перед ними стоит стол; весь левый передний угол от печки до стены занят деревянными нарами, на которых спят.

Но не только у малоросса жилище удобнее и лучше, чем у его северного брата, но и в пище у него больше чувствуется достатка и разнообразия. Благодатный климат дал все в изобилии: и птиц, и рыб, и

овощей, и фруктов. Да и поесть, и попить малоросс любит, пожалуй, так, как никто. Без горилки, борща, вареников, галушек и сала он не может себе представить жизни даже на том свете. Вот, например, какова жизнь в загробном мире тех, „що праведно в миру живали“:

„Сиділи, руки поскладавши,
Для них все праздники були;
Люльки курили, полягавши,
Або горілочку пили“,

закусывая коржиками, варениками, галушками, чесноком *). Или в одном из сказаний народных говорится, как на том свете праведники блаженствуют в раю; они лежат на берегу реки, где вместо воды течет сметана под райскими деревьями; с деревьев падают готовые вареники в реку, сами выпрыгивают оттуда и попадают в рот райским жителям.

Ни один праздник, ни одно событие в жизни малоросса не проходит без того, чтобы не попить, не поесть всласть.

Не стану перечислять названия всех кушаний, которые существуют у малороссов,—их нужно перечислить целые десятки и сотни,—замечу только, что самыми обычными кушаньями у них являются: борщ, юшка (уха), локшана (лапша), каша, „куліш“ (кашица), галушки (клецки), сырники (творожники), разное печенье из теста, как-то: паляници, буханци, книши, коржи и, наконец, сало (свиное) и лук (цибуля).

Водки пьют очень много и почти все поголовно, не исключая и женщин; мужчины пьют главным образом „горілку“, т.-е. хлебное неочищенное вино, женщины—

*) „Энеида“ Котляревского.

разные настойки и наливки: вишневку, сливянку, запеканку и др. Табак, „тютюн“, курят только мужчины из коротких трубок, „люлек“. Если от горилки малоросс не может отказаться и пьет ее сколько влезет,

Малорусская хата (с фотографии).

то с табаком и люлькой не только не может расстаться, но даже считает их важнее всего на свете. Так один из атаманов казачьих, Сагайдачный, про которого в народной песне говорится, что он променял свою жинку за тютюн да люльку, на предложение вернуться, взять жинку и возвратить люльку, отвечает:

„Міні жинка не годитьця,
А тютюн та люлька
Казаку в дорозі
Знадобитьця!..“

Главное занятие малороссов составляет, как я уже сказал, земледелие, а затем скотоводство. Тучная черноземная почва в изобилии дает пшеницы, овса, гречихи, льна, конопли, табаку, свекловицы, арбузов, дынь и множество различных огородных овощей, а в садах произрастают вкусные яблоки, груши, сливы, вишни, черешни и др. За последние 30—40 лет посевы пше-

На пашне. (С картины худ. Пимоненко).

ницы, а особенно свекловицы, занимают все большие и большие пространства, так что пахотные поля год с годом вытесняют те роскошные травянистые степи, о которых было упомянуто в начале очерка. Земля обрабатывается плугом, в который обыкновенно впрягают пару, а иногда и больше волов. Скотоводство состоит главным образом из разведения овец и рогатого скота—рабочего.

Благодаря неповоротливости малоросса и его занятиям, привязывающим его к одному месту, в Малорос-

сии очень распространены ярмарки, где торговцами являются евреи и великоруссы.

Кроме только что упомянутых занятий, распространенных почти среди всех малороссов, есть еще другие, которыми занимается небольшое меньшинство,—это чумачество. Чумак — собственно извозчик, с тою только разницею, что перевозит чужие товары лишь при слу-

Уборка хлеба. (С фотографии).

чае, а главная цель его—ходить в Крым за солью и на Дон за рыбой. Купив пары две волов, снарядив два хороших воза и запасшись несколькими десятками рублей, крестьянин отправляется чумаковать в сотовариществе людей бывалых и опытных. Путешествие это начинается с весны, когда уже появится в степи подножный корм. Весь в дегте, смуглый от загара, с длинными чупринами,—чумак оригинален. Степная жизнь в пустынях, постоянное кочевье, ночлеги под открытым

небом, беседы у огонька, одинокое ночное хождение настороже при волах,—все это кладет на него особый отпечаток. С развитием железных дорог теперь чумачество сильно падает.

V.

Чтобы дополнить описание малороссов, приходится еще сказать несколько слов об его обрядах, суевериях и верованиях, в которых ярко выступает и его взгляд на религию и отражается прошлое народа.

Самыми важными моментами в жизни крестьянина вообще, а малороссийского в частности, несомненно, являются — обзаведение семьей, а вместе с тем и хозяйством, и его смерть, как разрушительница семьи.

Играют и другие события немаловажную роль в жизни малоросса, но о них скажу потом, а теперь посмотрим, как проходит свадьба у малоросса.

Парень, который собирается жениться, советуется со своими родителями, кого взять себе в жены, и родители дают ему такой совет:

„Выбирай себе ту, у которой не головка гладка,
А ту, что умеет хату мести;
Не ту, у которой намистечко висит,
А ту, которая умеет тесто замесить;
Не ту, которая ходит дрибненько,
А ту, которая робит дило, да все хорошенько“.

Обыкновенно невеста выбирается ровня как по состоянию, так и по положению.

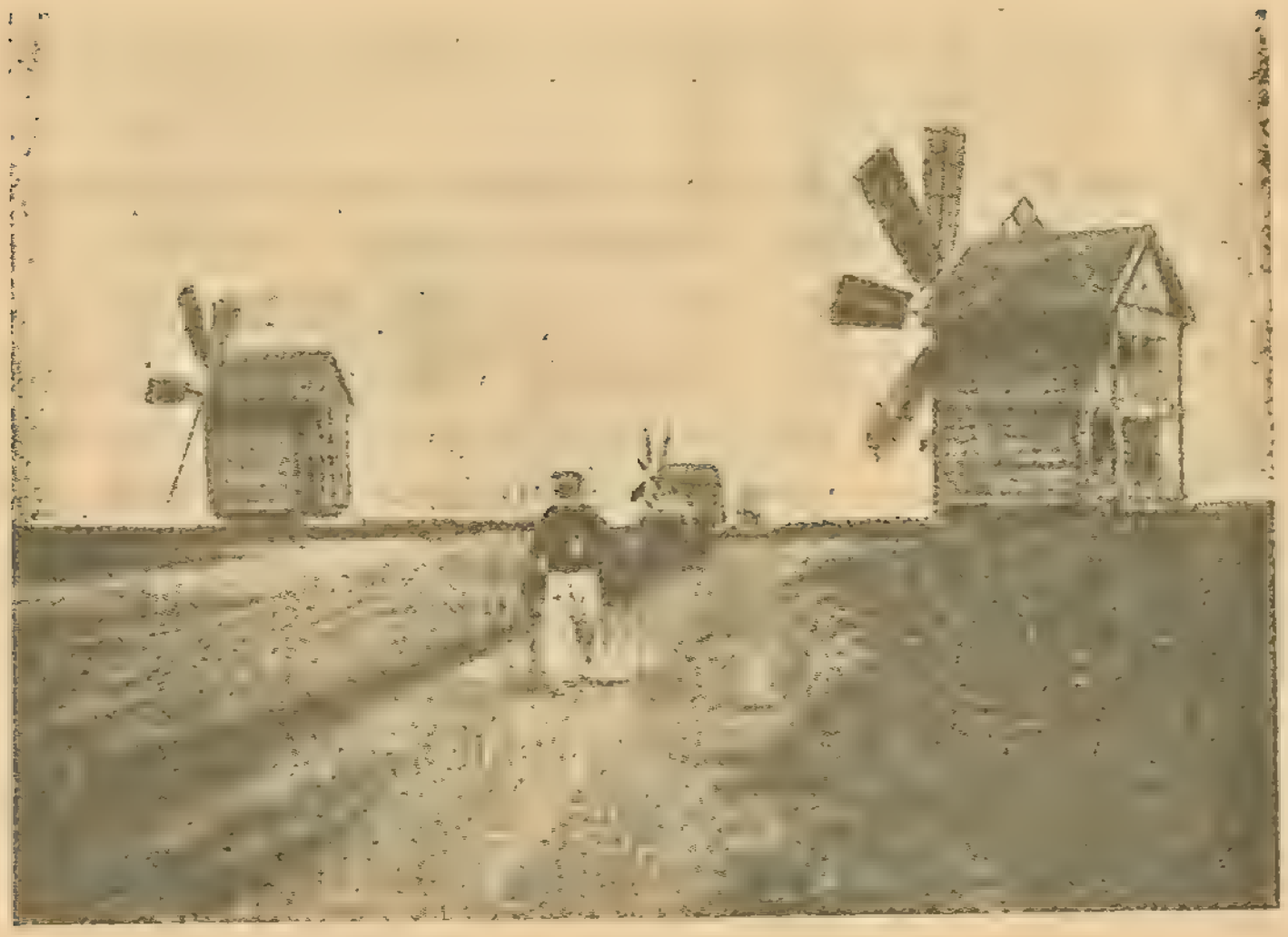
Когда невеста намечена, то выбирают на семейном совете сватов и посылают их; но прежде, нежели по-

слать сватов, обыкновенно ходят близкие родственники жениха в дом невесты узнавать, примут ли их сватов. Это так называемые „розвидки“ или „допити“. Но вот жених убежден, что его сватовство примут, и он, взяв с собой хлеб и разное угощение, вместе со сватами (старостами), людьми бывалыми и краснобаями, с товарищами своими, отправляется в дом невесты и выясняет цель своего посещения. Если родители согласны, то они благословляют жениха и невесту, невеста приносит „рушники“ (большие красные платки) и раздает жениху и сватам, и затем сватов просят уйти.

„Ну, оставляйте ж добрі люде хліб, а ми посовітуемось з добрими людьми, а тоді перескажем, як буде“. Это называется „хліб обмінять“.

Если невеста не хочет итти замуж за пришедшего свататься жениха, то вместо рушников она выносит ему арбуз, как знак отказа. Поднесение парубку „печеного гарбуза“ считается большим посрамлением. Вот почему так осмотрителен бывает жених при начале сватовства. На другой день после описанных обрядов бывают так называемые „заручини“. Состоят они в том, что в дом невесты собираются жених со сватами, дружкой, родными и родственниками, с музыкой; садятся за стол, им раздают всем платки („хустки“) и рушники, жениху и сватам перевязывают их через плечо и затем угощают. Во время угощений жених дарит молодую подарками и гостинцами; затем родители благословляют нареченных хлебом и пучками ржи, которую приносят в этот день в хату и ставят по углам. Благословляют тем пучком, который стоит в переднем углу. При благословении говорят: „Бог вас благословит, дітки! Дай вам, Боже, щастя, здоровья и долги літа!“ — После этого „молодые“ садятся в переднем углу („на покуті“). Гости угощаются и поют песни:

Ой на морі, та на камені
Там два сокола воду піли,
Напившись, говоріли:
Полетимо на заручени
До Марусі, та на разлучени;
Разлучемо од батенька
Прилучимо до свекронька, и т. д.



Мельницы (млыны). (С фотографии).

Через день или два родители „молодой“, а порой и вся ее родня собираются к жениху и осматривают у него хозяйство, что у него есть. Это — „разглядини“...

Теперь, сговорившись и благословивши, приходится только приготовиться к венчанию. Приготовление заключается в двух обрядностях: „Торочини“ и „вильце“. Дружки невесты и дружки жениха, каждые отдельно собираются в дом жениха и невесты и начинают „торочити рушники“, т.-е. пришивать куски по-

лотна с длинными висящими нитями — „тороки“ к рушникам, чтобы последние были длиннее, и их удобнее было бы перевязывать. Работа сопровождается угощением, пением и плясками. В субботу утром „молодые“ идут в церковь, исповедуются там и приобщаются.

Затем вьют „вильце“, т.-е. небольшое деревцо или ветвь, которую втыкают в хлеб и украшают ее букетами цветов, на ветках прилепляют свечи, между ветвями кладут горсти ржи. „Вильце“ стоит в конце стола в течение всей свадьбы. Убирание деревца сопровождается тоже песнями, плясками и, наконец, ужином. В этот же день, если невеста выходит первый раз замуж, пекут „коровай“. Тесто для него месят и пекут бабы общими силами. После же моют руки и говорят: „Сколько пар рук мыли, чтоб столько же наш Ивашка волов имел“. Коровай украшают цветами и птицами из теста.

Рано утром в воскресенье (венчание у малороссов совершается всегда в воскресенье) „молодые“ идут к заутрене, а затем, после утрени, как жениха, так и невесту снаряжают к венцу. Снарядивши свадебный поезд, отправляются в церковь с песнями, музыкой. Впереди всех едут „дружко“ (распорядитель свадебного поезда) и две девушки; одна держит венчальные свечи, а другая—предковский меч (теперь он заменяется деревянным). За ними—и остальные поезжане. По окончании венчания жених и невеста—каждый едет в свой дом. Жених обедает у себя, а потом едет к „молодой“, где ему приходится покупать въезд во двор. После церемонии выкупа невесты (остаток древнего колыма), раздачи подарков, расплетания косы и покрытия головы „намиткою“ или „серпанком“*) и некоторых других обрядностей „молодые“ выезжают из дома ро-

*) Повойник.

дителей невесты. „Молодая“ вместе со своим приданым садится на воз, а „молодой“, обойдя воз три раза' ударяет каждый раз слегка ее по спине палкой или кнутом, говоря: „Кідай батькови норови, та бери моі“.

При приближении к дому жениха молодым приходится переехать через огонь. Для этого зажигают куль соломы на дороге и через него прогоняют лошадей поезда. На другой день, в понедельник, угощают дружки молодых, а потом они с музыкой идут к священнику за благословением. Вторником кончается свадьба большим пиром у матери невесты.

Не меньшими обрядностями и приметами, чем венчальный обряд, обставлен обряд погребения. Закричит ли сова на крыше хаты, залезет ли летом лягушка в хату, упадет ли ночью с насеста курица, запоет ли она петухом, приснится ли, что зуб выпал, что рубишь лес на дрова, что подошвы отпали,—все это влечет за собою смерть. Вера в эти приметы настолько сильна, что они очень часто сбываются (вспомните смерть Пульхерии Ивановны).

Прежде, во времена казачества, умершего хоронили все жители, теперь, конечно, только родные и знакомые. Если кто-нибудь умирает, то звонят в колокол по душе протяжно и заунывно.

Как бы ни был дорог умерший окружающим, они всегда говорят: „слава Богу, що вмер“, боясь прогневить Бога ропотом о смерти человека.

Покойника, одетого, кладут на лавке около той стены, где два окна. В головах ставят зажженную свечку, а на окне стаканчик с чистою водою. Это для того, чтобы душа, которая возвращается в продолжение трех дней после смерти, могла напиться воды. Благодаря этому же поверью, во все время, пока покойник стоит в доме, приглашают на ночь женщину не моложе сорока лет „стерегти душу“. Душа прилетает к покойнику в

виде мухи, жужжит над ним и пьет стоящую в стаканчике возле покойника воду. Женщина сидит еще и для того, „щоб чортяка не зробив якой капости над мертвим“. Объясняется последнее поверье следующей легендой: один раз умерла очень богатая панна, которая имела полный мешок бумажных денег. Умираючи она сшила из денег подушечку и просила, чтобы ей положили ее под голову. Положили ей эту подушечку. Ночью же, когда „стари баби“, что взялись стеречь, заснули, то сатана взял, распорол ту подушечку и попихал покойнице бумажек и в рот и в нос. Поэтому не годится оставлять мертвого одного в хате.

В некоторых местах Малороссии (Подольской губ.) вместо женщин приходят парубки и, чтобы не заснуть, заводят игры, которые бывают только на похорснах, напр., „бьют лубка“. Игра эта состоит в том, что один из играющих накрывается тулупом, так чтобы не мог ничего видеть, другие же ударяют его жгутом,— накрывшийся должен отгадать, кто его ударил. Играют также в „Панфилия и Маланку“. Берут столько карт, сколько играющих, дают им условные названия: „Маланки“ — какой-нибудь из дам, палача — тузу, начальника — королю, остальные карты называются полки. Разбирают карты, и у кого окажется „Маланка“, то тот идет жаловаться начальнику, что ее, „Маланку“, обижают полки; начальник велит указать виновного. Если жалобщик не попадет на виновного, то его бьют.

Гроб соседи делают безвозмездно из досок, всегда имеющихся на этот случай приготовленными.

Когда выносят из хаты покойника, то трижды стукают гроб о порог: „семьянин одклоняэться послідній раз сем'і“. Как только вынесут из хаты умершего, то сейчас же пол в ней осыпают рожью, чтобы было в селе урожайнее; на том месте, где лежал покойник, кладут топор. „щоб більш нихто не вмірав“; дверь

хаты запирают, чтобы смерть не вернулась, а ворота двора с обоих концов завязывают черным поясом или рушником, чтобы со двора не пошло за телом все добро: скотина, птица, пчелы.

При похоронах девушки совершают почти те же обряды, что и при свадьбах. Когда же хоронят старуху, у которой было много внучат, то в узел завязывают немного мака и кладут ей в гроб около бока. „На тобі — кажут — щоб було чим на тім світі онуків*) обсипать, як прійдуть істи просить". Когда несут покойника, то грех смотреть на него в окно, потому что, кто смотрит в окно и дотронется рукой до какой-нибудь части своего тела, то „у тім місці буде мертва кістка" **).

На Фоминой неделе родственники умерших совершают поминовение „на гробках" или „могилках". Взявши хлеба, яиц и ладана, отправляются на кладбище и кладут принесенное на могилы. Священник обходит могилы, служит около них панихиды и берет себе принесенное. После же панихид тут же происходят и поминки, т.-е. пьют горилку и закусывают „чем Бог послал". В поминках этих обыкновенно участвует и многочисленная нищая братия. К вечеру с разных сторон кладбища слышится „голосіння", т.-е. причитания.

Многие из женщин, обессиленные рыданиями, а часто при этом и вином, засыпают на могиле и так остаются всю ночь. Виденные ими сны передаются потом, как дело, совершившееся наяву. Отсюда и ходят в народе легенды о том, что кто засыпает на могиле после поминок, то ему является покойник, будит и лично благодарит за поминовение.

---

*) Внуков.
**) Кость.

Простодушный народ верит и в то, что мертвецы встают и ходят по земле. Для устранения этих посещений или осыпают могилу маком, думая, что вставший мертвец должен сначала подобрать весь мак до зерна, а пока он успеет это сделать, то пропоют петухи, и он должен вернуться в могилу, или вбивают в могилу осиновый кол.

Ходят в народе еще слухи и о замирании людей, т.-е. летаргии. Говорят, что такие замиравшие и ожившие люди рассказывали об ожидающей умиравших загробной жизни, о блаженстве рая, о муках ада. Вот один из рассказов: „Как замирала одна жінка, то расказувала, що видела на том світі свого мужа:— Дивлюсь, каже, а мій чоловік сидить на лаві *) и в макітрі **) (тютюн) табаку тре. Хиба ***), питаюсь, и тутъ таки, що нюхають?—Ні, каже ****), це мені таке наказаніе за те, що я на тому світі табаку молов у праздник“.

VI.

Как видите, много смешного и нелепого в религиозных обрядах малоросса. Эти суеверия есть и у великорусса, но у первого они выступают ярче. Все это остатки языческой религии, которая существовала у наших предков и следы которой лучше сохранились у малоросса, чем у великорусса.

---

*) Плотине.
**) Глиняный большой горшок.
***) Разве.
****) Говорит.

Живя в стране, где природа половину года цепенеет от холода, когда все покрывается белым саваном, и жизнь как бы замирает, и где в течение другой половины, постепенно оживая, природа преобразовывается до неузнаваемости, народ славянский, не находя причин такого превращения, полагал, что изменения эти происходят от борьбы каких-то неведомых сил. Его детскому, еще не развитому уму представлялось, что солнце, которое он видит, теплоту и свет которого он чувствует, есть не что иное, как божество, с появлением которого все на земле оживает; под его теплыми лучами произрастают растения, нужные человеку, и он его назвал „Даждь-бог", т.-е. дай богатство. И вот, когда славянин видел, что после долгой зимы солнышко все чаще и чаще появляется на небе и дольше на нем остается,—словом, когда теплые солнечные лучи уже дают о себе знать, а это бывает всегда в конце декабря и начале января,—он полагал что народилось новое божество, и, чтобы умилостивить его, справлял ему праздник коляды, т.-е. „праздник первого дня нового месяца". Празднование это соединялось вместе с тем и с просьбой к „Даждь-богу" о ниспослании хорошего урожая.

Когда же солнце совершенно одолеет зиму—„смерть", когда с гор потекут потоки, то предок наш спешил праздновать эту победу. Делал чучело—„Марену", долженствовавшую изображать „смерть-зиму", и после разных обрядностей и песен торжественно сжигал ее.

Схоронивши таким образом „зиму", божество холодное и темное, славянин праздновал шествие светлого божества с богатыми дарами, т.-е. мая или „Маяка", олицетворив его в виде маленькой елочки, украшенной лентами, бумагой и позолоченными яйцами. С наступлением тепла все оживает, не только природа, но и животные, а вместе с тем и разные боги: бог

воды (водяной), бог леса (леший), русалки, это — утопленницы, превратившиеся в прелестных дев с рыбьим хвостом. Всю зиму они живут глубоко в реках, а как только деревья распустятся, и трава зазеленеет, так они выходят и поселяются на земле, качаясь на деревьях. И в честь всех этих богов справлял древний русс праздник цветов, праздник роз у римлян, переделанный у славян в „русалии“. Наконец, предок наш замечал, что солнце, хотя все еще греет сильно, но оно все меньше и меньше остается на небе, продолжительность дня убывает. Очевидно, темное божество начинает одолевать опять. Это бывает в конце июня. Надо опять умилостивить темное божество,—надо справлять праздник.

Парни и девушки плели венки из разных цветов, надевая их на голову или привешивая к поясу; зажигали костер и, взявшись за руки, плясали кругом него, пели песни и перепрыгивали через огонь. Соломенное чучело, олицетворявшее светлое божество „Ярило“, после всех игр сжигалось или потоплялось в реке.

Таким образом все главные языческие праздники славян вытекали из одного основного представления— из представления о том, что чередование времен года есть последствие борьбы светлых и темных сил природы.

Но вот народ славянский крестили. Старых богов свергли, но не мог забыть язычник своих богов, он недостаточно просвещен, недостаточно познакомлен с новой религией, и для него Илья пророк остался прежним Перуном-громовиком, св. Власий — прежним Велесом, покровителем скота, Иоанн Креститель—„Купалой“. Новые христианские понятия смешались со старыми языческими и так остались доныне. Это мы ясно увидим, если познакомимся с обрядами хотя главных праздников народных.

24-го декабря. Вечер этого дня носит название „богатой кутиї“ или „коляди“.

Еще с половины дня готовится ужин, и среди кушаний непременно бывают: кутья с медом или маком, растертым и разведенным в подслащенной воде, и „узвар“—компот. Под вечер хозяин идет на гумно и с

Молотьба вальками в Екатеринославской губ. (С фотографии).

молитвою берет связку сена и снопы ржи, ячменя, гречихи и соломы и приносит в хату; хозяйка садится, обкладывается соломой и „квокче“; это делается для того, чтобы велась в доме птица. Сено кладут на стол и закрывают „убрусом“—скатертью, а сноп ставят на „покуті“. Иногда на стол ставят плуг и упряжь. На „покуті“ ставят также горшок с „кутею“, покрытый

„книшем“ *); над этим горшком на возвышенном месте зажигается свеча. Затем вся семья одевается в чистое платье, и с появлением звезды начинается ужин, в котором участвует и прислуга. Ужин заканчивается кутьей. Когда на стол подадут кутью, хозяин набирает ее в ложку, подходит к окну или выходит на двор и говорит: „Морозе, морозе, ходи до нас куті їсти, а коли не йдешь, то не йди й на жито, пшеницю и всякую пашницю“. Последнюю ложку кутьи бросает в потолок, — „щоб бджоли (пчелы) роились“, и по количеству прилепившейся к потолку кутьи предугадывают, хорошо ли проживут пчелы зиму и будут ли роиться летом.

Когда съедят кутью, семья садится „на покуті“, на сене, где стояла кутья, и „квокче“, т.-е. подражают курице, чтобы та выводила хорошо цыплят; потом сгребают со стола немного сена и кладут на то место, где будет сидеть наседка; часть сена дают также скоту. Остальное лежит до Нового года, а сноп ржи остается на „покуті“ до Крещения. Сору до Нового года не выбрасывают, а сметают в кучу под „покутя“. Ложки в кутье оставляют на целую ночь, веря, что умершие родственники приходят и едят кутью. Чья ложка на утро окажется перевернутой вверх, тот умрет в наступающем году. Посуду после ужина моют, а помои сливают в бутылку и хранят, как лекарство от „сглаза“.

В ночь накануне Рождества очень часто сидят все в „стані“, т.-е. конюшне, и прислушиваются к тому, что делают волы, так как существует поверье, будто в эту ночь волы говорят между собою о рождении Христа.

25-го декабря. С вечера первого дня праздника на-

---

*) Пирогом.

чинается „колядованне“ и продолжается до праздника Богоявления.

Девушки и дети колядуют перед окнами богатых крестьян и в своих „колядках“ или излагают события далекого прошлого, времена походов казаков в турецину, или событие праздника, т.-е. о Рождестве Христовом, избиении младенцев, Крещении, а затем величают хозяина и его семью и испрашивают себе угощения. Колядники нередко ходят с фонарем, сделанным из бумаги в виде луны или звезды. На одной стороне фонаря изображается св. Варвара. Молодые люди ходят колядовать с козой; козу делают из дерева и туловище покрывают шубой; держит ее, скрытой под шубою, мужик. Козу водят с музыкой, под которую она и пляшет.

Пришедши в дом, колядники спрашивают: „чи позволите, пане-господине, заколядовати, сей дом развеселити, Ирода засмутити?“ И начинают петь. Когда пропоют, то старший колядник приветствует хозяина таким образом:

„Віншую вас з сим пресвітлим праздником, щоб ці святки проводили, пришлого року дочекали *) з миром, в покою, добрим здоровьі, з дітками, а ви, хлопці, кажить: дай, Боже!“ На это остальная компания отвечает хором: „дай, Боже!“

Их дарят пирогами или деньгами, на которые они покупают себе различные вещи и тщательно сберегают их.

31-го декабря. На „Меланки“, т.-е. в день св. Мелании, накануне Нового года, каждая хозяйка приготовляет „книши“, пироги, колбасы, начиненные гречневою кашей, и вареники; этот вечер называется „богатым“ или „щедрым“. Утром этого дня стряхивают

*) Дожили до наступающего Нового года.

со стола солому, „дидуху“; зажигают ее на дворе или улице, перепрыгивают через огонь и перегоняют скот три раза. В этот же день объезжают молодых лошадей и волов, кропят их святой водой; ловят в сарае воробьев, бросают их в огонь, а пепел от них хранят до посева, и тогда вместе с зернами бросают в землю. Делается это для того, чтобы воробьи не нападали на посевы. Перевязывают соломой фруктовые деревья и, обращаясь к ним, просят, чтобы они дали богатый урожай фруктов. Примиряются друг с другом, забывают взаимные обиды. Вечером за ужином подают массу пирогов и книшей и ставят перед хозяином в таком количестве, чтобы из-за них его не было видно. Хозяйка сзывает детей, которых перед этим нарочно высылала из хаты, и сажает их ужинать.

„А де ж наш батько?“ спрашивают дети. — „А хиба ви мене не бачите“ *), отвечает отец из-за кучи пирогов. „Ні, не бачимо, тату!“ — „Дай же, Боже, щоб завше не бачили“ **), т.-е. чтобы всегда было такое изобилие хлеба, как в этот вечер.

Дети и молодежь ходят под окна соседей „щедровать“, т.-е. поют песни „щедрівки“, в которых желают счастья и богатства хозяевам, за что им дают немного денег или что-нибудь из съестного.

Парни же при этом наряжаются, кто медведем, кто бабой, среди них всегда находится один переодетый бабой, это — „Меланка“. Вот образцы щедривок и колядок:

1.

Колядую, колядую
Ковбасу чую.
Святий вечер!

*) Не видите.
**) Вовсе не видели.

А ви мене не питайте,
Ковбасу дайте.
Ой, дай, Боже!
Дайте ковбасу,
Я до дому понесу.
Святий вечер!
Дайте мені кишку,
Иззім в затишку.
Ой, дай, Боже!

2.

Я маленька дівочка,
Як у полі квіточка,
Більш нічого не знаю—
Тільки аз да буки...
Пожалуйте мені
Грошик у руки.
Я маленька дівочка,
Як у полі квіточка,
Черевички корковеньки...
Будьте з праздником здоровеньки.

3.

Я іду з школи—плачу
И світа не бачу;
Очи протираю,
На карман позираю
Вас с праздником поздравляю.

4.

Я малий похолок
Родився в вівторок,
А в среду рано
Мене в школу дано.
Послав мене дяк
Цибуль куповати;
А я не купив,
А так ухватив.
Чоловік мене догнав,
Цибульку одняв,
И чуприну нам'яв.

Пішов я до неба
Чого мені треба;
А там смерть страшна
Й коса замашна
Смерть до мене з косою,
А я їй в зуби ковбасою.
Будьте здорови з праздником.

5.

Ой сів Христос вечеряти,
Щедрій вечир, добрий вечер, добрим людям на здоровье,
Пришла к ёму Божа Мати.
Щедрий вечер и т. д.
Отдай, сину, райски ключи,
Щедрій... и т. д. (повторяется).
Рай и пекло одімкнути,
Всі праведні випустить души.
Тилько однози не випускати.
Одна душа согрішила—;
Отця й матір наругала,
Не поругала, тілько подумала.
В сёму домі як у раю:
Господиня як княгиня,
Господарь як виноград,
А діточки як квіточки.

1-го января, в самый Новый год, перед обедней, мальчики ходят „по хатам засівать". Набрав в рукавицу, или мешок, разных зерен, они ходят по хатам и осыпают зернами хозяина и хату, приговаривая: „На счастэ, на здоров'э, та на нове літо; роди, Боже, жито, пшеницю і всяку пашницю; добри-день, будьте здорови з новым годом".

Масленица начинается в понедельник утром обыкновенно в корчме, где простую палку, полено кладут на стол и одевают его. Это называется колодка. Крестьяне говорят, что в понедельник „колодка" родилась, во вторник крестилась, в середу справляют покресть-

бины, в четверг умирает, в пятницу хоронят, а в субботу плачут. Все это сопровождается песнями, плясками и угощениями.

22-го апреля, накануне Юрьева дня, празднуется „Ляля“ или „Красная горка“. Празднество это заключается в том, что часу в третьем пополудни собираются хороводы девушек на чистом лугу, выбирают самую красивую девушку, перевязывают ей шею, грудь, руки и ноги разной зеленью, на голову надевают венок из свежих цветов и в таком наряде сажают ее на дерновую скамью, на которую ставят также кувшин с молоком, сыр, масло и проч. Это и есть „Ляля“. У ног „Ляли“ кладут несколько венков из свежей зелени; хоровод танцует вокруг него и поет песни. По окончании песен „Ляля“ раздает своим подругам сыр, масло и проч. Затем бросает им венки, которые схватываются на-лету. Венки эти девушки прячут до следующей весны.

Св. Юрию предписывают, будто ему Бог дает ключ, этим ключом он отпирает землю и велит ей производить растения. Скот от этой травы тучнеет.

Св. Марку—что он имеет ключи от дождей.

Троицын день. Зелени святки. Вся неделя носит название „Зеленой“ или „Русальной“. Верят, что в течение этой недели русалки выходят из рек нагие, с распущенными волосами, плавают при луне на поверхности воды, бегают по полям, качаются на ветвях деревьев, манят прохожих и, если кого поймают, то защекочут насмерть: поэтому крестьяне носят при себе полынь, которой русалки боятся. Русалками становятся утопленницы и дети, умершие некрещенными; эти последние называются еще „мавками“. Четверг этой недели „зелений четверг“, называется „русальчин и мавский великдень“; в этот день они бывают особенно опасны.

Празднование *же в честь русалок* положено в десятый „понеділок“. В этот день в поле крестьяне не работают, варят под открытым небом разные кушанья и взаимно угощаются. На межах каждый хозяин кладет по куску хлеба.

24-го июня Ивана Купала (св. Иоанна Крестителя). Купало празднуется в ночь с 23 на 24, называемую Ивановскою. В самый же день крестьяне для предохранения себя от ведьм кладут на окнах своих домов жгучую крапиву, а в дверях скотных дворов—молодое осиновое дерево, вырванное с корнем. Самое празднество проходит так: девушки делают чучело из соломы, жгучей крапивы и шиповника, убирают его венками, намистами, цветами и лентами и относят на место, назначенное для праздника. Это чучело называется „Марена“. Затем делают соломенную куклу, надевают на нее женскую рубаху, украшают лентами, намистами и большим венком. Эта кукла называется „Купало“. Около „Марены“ ставят „Купало“, невдалеке разводят огонь и, взявшись за руки, ходят вокруг чучел, скачут через огонь и поют песни. Парни подкрадываются к ним, отнимают Марену и также скачут и поют песни. Девушки делают новую Марену, но и эту парни отнимают, так что девушкам приходится делать несколько чучел.

Отнявши Марену, парни разрывают ее на части и топят в воде. Празднество заканчивается тем, что девушки, отстояв Марену, разбирают ее по частям и несут — каждая к себе домой. На возвратном пути они поют про несчастную долю какой-то Ганны и про дерево, привезенное из-за моря. В этот же день, кроме того, много гадают. В ночь же верят, что деревья разговаривают между собой, что травы приобретают особенную целительную силу и что папоротник расцветает. Тот, кому удастся сорвать этот цветок, будет

знать все, что делается на свете, и может достать любой клад, как бы его нечистая сила ни оберегала.

Св. Илье пророку приписывают, будто он заведует молнией и громом, и когда гром гремит, так это Илья по небесному мосту ездит на огненной колеснице.

Марии же Магдалине (праздн. 22-го июля), — что она владеет холерой.

На св. Андрея, 30 ноября, молодежь обыкновенно занимается гаданием о своей судьбе. Гадают так же, как и накануне Нового года. Например: собирается молодежь, девушки и парни, в какую-нибудь хату; одна из девушек приносит воды, набирает в рот и выливает в тесто, из которого делают „кукилки“ или „балабушки“. Последние делаются по числу девушек; мажут их салом и впускают в хату собаку, обыкновенно не кормленную в этот день. Девушка, „пампушку“ которой собака схватит раньше всех, прежде других выйдет замуж. Несъеденная „пампушка“ означает, что девушка в этом году не выйдет замуж. После этого перевязывают собаку соломенным „перевеслом“ и с почестями выводят из хаты.

VII.

Таков этот народ,—не глупый и не ленивый хохол, служащий часто предметом насмешек и анекдотов, а народ, тонкая наблюдательность которого и неподдельный юмор заставляют с уважением отнестись к нему и вспомнить то завещание, которое оставил один из его великих сынов, поэт Т. Шевченко:

Учитесь, братн моі, научайтесь.
Чужого не цурайтесь,
Да й свого не забувайте!

Типографія Вильде москва.

1999
V
u/08
0-30

Литературно-Издательский Отдел Народного Комиссариата по Просвещению.

Печатается книга **А. М. Пешковского**: Русский синтаксис в научном освещении.

Книги по теории и практике единой трудовой школы.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Проф. **Гурлитт.** Проблема единой школы.

Р. Зейдель, Г. Кершенштейнер и др. Интернациональные проблемы социальной педагогики, части 1, 2 и 3.

С. А. Левитин. Педагогические идеи Гербарта и Монтессори, т. I. Дрессировка детской души.

„ Трудовая школа, т. I. (Теория и принципы).

„ Интересные незнакомцы.

ПОДГОТОВЛЕНЫ К ПЕЧАТИ:

С. А. Левитин. Борьба за единую школу, т. I (в Европе).

„ Борьба за единую школу, т. II (в России).

„ Современные движения среди молодежи в Европе.

„ Демократизация внешкольного образования— трудовые принципы.

„ Психология детских рисунков.

Отто Рюле. Дети пролетариата.

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Даниэль Дефо. Робинзон Крузо. Пер. с немецк. в обработке Н. Жбанковой.

Гарриэт Бичер-Стоу. Хижина дяди Тома. С пред. и под ред. Н. П. Дучинского.

„Библиотека детского чтения“ под ред. Н. В. Тулупова. Вып. 1—30.

Н. В. Тулупов. Книжки-первинки для малых ребят. Вып. 1—13

НАМЕЧЕН К ПЕЧАТИ Сборник в память годовщины революции. Из серии „Дети и революция“.

Заказы на издания Литературно-Издательского Отдела следует направлять:

ПЕТРОГРАД:

Народный Комиссариат по Просвещению, у Чернышова моста, комн. № 127.

МОСКВА:

угол Советской площади и Тверской ул., д. 28, Московский Книжный Склад Лит.-Изд. Отд.

Каталоги бесплатно.

Типографія Вильде Москва